

эскимосов, живущих в условиях жестокой нужды, национального угнетения, дискриминации⁹.

Примененный авторами структурный метод исследования, очевидно, наиболее оправданный в подобной работе сам по себе, но предполагающий совершенную деперсонализацию, мог быть, на наш взгляд, обогащен элементами конкретной информации о политических, партийных, культурных, национальных деятелях, о вкладе, который они внесли в дело развития этноса. Недостаточно, на наш взгляд, раскрыта конкретная социально-экономическая «гренландская политика» Дании в рассматриваемый период.

К недостаткам книги следует также отнести полное отсутствие какого-либо материала о социальных и политических движениях эскимосов, развернувшихся в последние 10—15 лет. Метод сплошного опроса, избранный датскими социологами, мог бы дать интересную и нужную информацию об отношении трудящихся к постоянно дебатированному в ландсроде Гренландии политическим и экономическим вопросам. Возможно, это пролило бы свет на причины недостаточной поддержки массами партий, в программах которых значилась борьба за независимость острова¹⁰.

Перечисленные недостатки несколько не умаляют достоинств книги. Это не ошибки, а именно недостатки, следствие чрезвычайной сложности предмета, объективной невозможности осветить все его многочисленные грани в первом же исследовании такого рода. Достоинства этого труда — обилие и точность информации, наглядность изложения, методологическая четкость и многие другие — таковы, что он, вне всякого сомнения, будет еще многие годы интенсивно использоваться наукой (и не в последнюю очередь этнографией).

Выпукло и добросовестно созданная картина гренландского общества, но показанная пока лишь в статике, заслуживает, уже в силу крайней своей своеобразности (а во многих отношениях — и уникальности), показа в динамике. Поэтому основное пожелание, которое мы можем высказать авторам, — продолжить работу, столь удачно и многообещающе начатую.

В. Е. Возгрин

⁹ Характерно, что за отделение Гренландии стоит реакционная Консервативная партия Дании. Напротив, гренландская социалистическая партия Суйумут борется за более полное и органичное вхождение острова в состав датского государства (*I. Wiken. Vi vil ikke raffe om Grønlands fremtid.* — «Land og folk», 6—7 november 1976; *его же. Grønland tvinges væk fra Danmark.* — «Land og folk», 3 november 1976).

¹⁰ О распавшихся недавно партиях Инуит и Сукак, а также пришедшей им на смену партии Суйумут см.: «Hvem, Hvad, Hvor — 1977». København, 1976.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Я. В. Чеснов. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976, 298 стр.

Рецензируемая книга — результат многолетних исследований. В наше время, когда политическая активность народов Индокитая так явственно влияет на положение во всем мире, появление такой книги особенно необходимо. Длительная антиимпериалистическая борьба народов этих стран, которая увенчалась достижением независимости, а также воссоединение Вьетнама, идущего по пути социализма, — все это объясняет растущий интерес к странам Индокитая.

В научном плане рецензируемая книга не менее актуальна, потому что труд Я. В. Чеснова — первая в мировой литературе книга по исторической этнографии всего Индокитая, в которой с равным вниманием рассмотрены хозяйство, материальная и духовная культура больших и малых народов.

Работы крупного австрийского исследователя этих проблем Р. Хейне-Гельдерна относятся в основном к 1930—1940 гг. и в силу реакционных европоцентристских концепций их автора неприемлемы для советской науки.

Я. В. Чеснов избрал предметом исследования Индокитай как историко-этнографическую область. Для анализа этапов ее формирования он привлек огромный археологический, этнографический, лингвистический материал, а также данные письменных источников, антропологии, этноботаники. О проделанной работе говорит библиография, насчитывающая более 800 названий. Следует отметить широкое использование не только старой, но и новейшей этнографической литературы, среди которой достойное место заняли публикации вьетнамских этнографов. Обилие привлеченного автором фактического материала позволило ему шаг за шагом раскрыть исторические судьбы народов столь сложной области, как Индокитай.

Автор широко пользуется сравнительно-историческим методом, выдвигая в данном исследовании на первый план его сравнительно-типологический аспект. Нужно сказать, что этот подход требует знания огромной массы материалов по самым различным народам не только Индокитая, но и соседних историко-этнографических областей: Восточной и Южной Азии, островной части Юго-Восточной Азии, Океании. Для проверки своих выводов автор обращается и к более отдаленным районам Центральной и Передней Азии, Европы и Кавказа.

Но для Я. В. Чеснова широкие сопоставления — лишь одна сторона сравнительно-исторического метода. Другая принципиальная черта этого метода заключается в установлении уровня социально-экономического развития тех обществ, культура которых анализируется. При этом автор подчеркивает необходимость критического отношения к используемым данным. Если обратиться к старым трудам по этнографии и истории первобытного общества, таким, как исследование Э. Тэйлора¹ и Дж. Фрэзера², то в них можно найти довольно частое использование этнографических данных по народам Юго-Восточной Азии, в том числе и по Индокитаю. Однако у этих авторов материалы о лесных собирателях — семангах могут стоять рядом с материалами о таких создателях древнейших цивилизаций, как тямы или бирманцы. Автор, безусловно, прав, относясь осторожно к таким сопоставлениям. С другой стороны, как показывает исследование Я. В. Чеснова, большинство «горцев» Индокитая не стояло в стороне от истории классового общества. В книге приведены доказательства существования у «горцев» в прошлом своих очагов государственности. Поэтому к фактам этнографии как источнику всегда следует, по справедливому мнению автора, относиться критически. Необходимо научно объяснить происхождение того или иного факта, рассмотреть его бытование в определенных социальных условиях, увидеть его значение в исторической перспективе.

Приведем два примера: специфической чертой архитектуры сельского жилища в Юго-Восточной Азии является преобладание там свайной конструкции. Наземные дома встречаются реже и в более поздние периоды, а вот жилище типа землянки для этого региона совершенно нехарактерно. Однако Я. В. Чеснову удалось найти у хедронгов, одной из этнографических групп джараев, бытование в начале века землянки в качестве так называемого мужского дома (стр. 119). Архантность самого этого института позволяет автору рассматривать землянку как реминисценцию древнего жилища, существовавшего у аустронезийских (индонезийских) народов, и гипотетически связать это с влиянием северной береговой культуры (стр. 119).

В качестве другого примера можно сослаться на рассмотрение автором обычая воздвигать мегалиты. Возникновение его хронологически относится к эпохе бронзы и раннего железа и связано с разложением первобытной общины, выделением из нее социальной верхушки, которая использует мегалитические культуры в своих целях. Однако при всей социальной обусловленности мегалитов как явления сама практика их воздвижения оказалась связанной конкретно с упоминавшимися аустронезийскими народами, в приморских культурах которых развился этот обычай (стр. 201—247).

Итак, автор рассматриваемого труда, обращаясь к сравнительно-историческому методу, исходил прежде всего из марксистского понимания законов общественного развития, из учения о прогрессивно сменяющихся социально-экономических формациях. Это позволило ему критически рассмотреть локальные этнические культуры, проблемы взаимодействия культурных черт, социального и культурного регресса и другие сложные вопросы этнографии.

Книга состоит из четырех глав, Введения, Заключения, списка литературы и подробного предметного указателя.

В первой главе «Исторические предпосылки культурного развития» автор касается становления производящего хозяйства в Юго-Восточной Азии, узловых моментов этногенеза в эпохи бронзы и раннего железа, а также рассматривает образование этнокультурных систем в период развитого классового общества в Индокитае. Этнокультурные системы Индокитая, в которых важнейшим звеном является историческое соотношение обитателей равнин и горцев, позволили автору конкретно представить сложение и функционирование основных хозяйственно-культурных типов. Следует сказать, что аналогичная ситуация вскрывается не только в Индокитае, но и в Индонезии и на Филиппинах.

Вторая глава озаглавлена «Агроэтнография и этноботаника». Здесь автор подробно осветил историю рисосеяния в странах Юго-Восточной Азии. Историю отдельных этапов распространения рисоводческих культур ему удалось связать с теми или иными большими этническими общностями. Так, он считает, что появление риса в Индии было связано не только с народами мунда, как считалось раньше, но и с гималайскими и тибето-бирманскими народами. По его мнению, рисоводство орошаемого типа развилось первоначально среди тайских и индонезийских по языку народов, расселившихся в материковой Юго-Восточной Азии первоначально в приморских районах. В тех же районах, по мысли автора, были введены в культуру просяные растения. Последние, как известно, составляли основу земледелия у создателей археологической культуры яншао, и это роднит яншао с приморскими культурами.

¹ Э. Тэйлор. Первобытная культура. М., 1939.

² Дж. Фрэзер. Золотая ветвь, вып. 1—4. М., 1928; «Фольклор в Ветхом завете». М.—Л., 1931.

По нашему мнению, Я. В. Чеснову следует в будущем ответить на вопрос о причинах почти полного отсутствия риса в Океании, поскольку он в настоящее время больше, чем другие советские исследователи, использует данные этноботаники для историко-этнографических реконструкций³.

Третья глава «Местные традиции и внешние связи по данным материальной культуры» состоит из двух разделов, посвященных жилищу и костюму. В первом из них разносторонне изучен вопрос о генезисе различных форм свайных построек. Во втором подробно исследованы распространение и история одежды, головных уборов и украшений (в украшениях включены спиливание зубов и татуировка).

Для специалистов по этнографии Юго-Восточной Азии довольно любопытными окажутся собранные автором сведения о проникновении сюда с севера элементов костюма центральноазиатских народов.

Последняя глава посвящена ареальным проблемам духовной культуры. Здесь рассмотрены пищевая табуация собаки и мифы об этом животном, мифические образы змеи и дракона, различные этногонимические мифы; большой раздел посвящен мегалитическим культам. В последнем разделе этой главы справедливо критикуется английский исследователь Х. Дж. Уэйлз (стр. 207), игнорирующий доказательства самостоятельного возникновения в Юго-Восточной Азии обычая сооружения мегалитов. Как видим, из сферы духовной культуры Юго-Восточной Азии для исследования выбраны наиболее важные и сложные сюжеты, что является несомненной заслугой автора.

В Заключении Я. В. Чеснов дает основные выводы, которые характеризуют этапы формирования историко-этнографической области Индокитая (т. е. материковой части Юго-Восточной Азии). Убедительно звучит здесь положение автора о двух путях меридиональных связей в древней Юго-Восточной Азии, из которых западный — континентальный — шел к Центральной Азии, а восточный — приморский — в течение тысячелетий служил магистралью культурных связей и миграций от северной до южной части приморского и островного тихоокеанского мира. По мнению автора, в Юго-Восточной Азии с эпохи бронзы развернулось интенсивное взаимопроникновение культур народов, исторически связанных с одним из этих путей. Огромное значение для таких процессов имел длительный период существования рабовладельческого и феодального строя. Автор, следуя концепции советских и вьетнамских специалистов, убедительно показывает основные черты этого общества, которое в период поздней бронзы и раннего железа было рабовладельческим (общество лак-вьетов), а в первые века нашей эры стало феодальным. Автор показал, что «горцы» Индокитая, подвергшиеся неблагоприятному воздействию развитых соседей в период позднего феодализма, играли особую, а порой и ведущую роль в более ранние этапы истории этого региона.

Отметим некоторые неточности. По нашему мнению, Я. В. Чеснов дает слишком рационалистическое объяснение обряду вторичного захоронения, предположив, что в его возникновении мог сказаться подвижный быт обществ, занимавшихся морскими промыслами (стр. 234). Между тем сам автор указывает на то, что, по верованиям некоторых народов, душа продолжает жить какое-то время после смерти, и это вызвало потребность двукратного захоронения и воздвижения мегалитов. Подобного рода объяснение представляется более вероятным. На последней странице книги (стр. 269) допущена явная описка, где говорится о миграционных потоках в широтных направлениях. На самом деле речь идет о меридиональных направлениях миграции с севера на юг и с юга на север.

В заключение следует сказать, что одна из важных научных тем книги — связи Индокитая с окружающими его, а также отдаленными ареалами. Проведенное исследование показало особую роль Индокитая для всей Юго-Восточной Азии. Оно дает право автору назвать Индокитай центром формирования того культурного синтеза, который определил все культурно-историческое своеобразие Юго-Восточной Азии.

Рецензируемая книга — этап в изучении истории и этнографии Индокитая. Она убедительно показывает своеобразие данного региона, самостоятельный ход его основных социально-исторических процессов, большой вклад народов Индокитая в сокровищницу мировой культуры и в то же время их плодотворный культурный обмен с соседями.

К. Ю. Мешков

³ Некоторые соображения приведены им в работе: Я. В. Чеснов. Особенности земледелия в Океании. — «Проблемы изучения Австралии и Океании (история, экономика, этнография)». М., 1976.